

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ: ВЕКТОРЫ ИСТОРИИ

«ОБРАЗ ВРАГА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Т.А. Корниенко
(Россия, г. Армавир)

Ключевые слова: политическая пропаганда, «образ врага», «внутренние враги», «внешние враги», политическое сознание, политическая культура.

Key words: political propaganda, “image of enemy”, “the inside enemies”, “the outside enemies”, political consciousness, political culture.

В расширительном смысле «образ врага» был неотъемлемой частью политики на протяжении всей истории человечества.

«Образ врага» укореняется в политическом сознании в трудные для общества времена, когда власть теряет легитимность. Он наполняется различным содержанием в зависимости от исторических и социально-политических условий. Формирование и внедрение в политическое сознание образа врага всегда соответствовало психологической обстановке обязательного наличия виновников социально-экономических трудностей в стране, потере легитимности властных структур, военных поражений. Образ врага выступает как разновидность социально-политического мифа, который основан на эгоистичном интересе, он имеет в своей основе стремление отдельных политических групп к расширению зон влияния и захвату власти [3, с. 11].

В энциклопедическом словаре «Политология» под «образом врага» подразумевается «идеологический и психологический стереотип, позволяющий строить политическое поведение в условиях дефицита надежной информации о политическом оппоненте и о среде в целом» [12, с. 234]. Анализируя это определение, А.В. Фатеев отмечает, что положительным его моментом можно считать констатацию: источником образа врага является общественный антагонизм. Однако, вместе с тем, с идеологической точки зрения образ врага – символ, имеющий конкретное содержание, под которым пропагандисты создают психологический стереотип в массовом сознании [19, с. 3]. По А.В. Фатееву «образ врага» – это идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества [19, с. 4].

Е.В. Сениявская характеризует «образ врага» как проблему восприятия противника, отношение к которой является частью более широкой историко-психологической проблематики «мы и они», «свой – чужой» [16, с. 251]. «В пределах вооруженного конфликта проблема обостряется до предела, выступая в гипертрофированных формах: потенциально опасный «чужой» превращается в реально смертельного врага, – отмечает Е.В. Сениявская, «расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, происходящими от чужого. Отсюда и преобладание эмоционально-субъективного начала в оценках противника: те его качества, которые у своих оцениваются как исключительно позитивные, рассматриваются, как правило, в негативном ключе» [17, с. 62].

«Образ врага» имеет визуальный характер; он призван заместить собой в коллективном сознании реальный образ представителя другой страны или другой национальности [4].

В общественном сознании враг связывается исключительно с отрицательными характеристиками, которые сознательно гипертрофируются официальной пропагандой. При этом, как полагает Е.В. Сениявская, механизм конструирования образа врага

универсален: он направлен на обоснование своей правоты в войне (подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т.д.). И то и другое достигается путем противопоставления своим собственным качествам, которые рассматриваются как позитивные ценности [16, с. 251].

«Образ врага» выполняет компенсаторскую функцию, консолидируя общность «мы» для решения какой-нибудь проблемы [14, с. 11]. Л. Гудков отмечает, что враг представляет собой апеллятивный фактор, мобилизирующий членов общества к солидарности и сплоченности вокруг власти или группового авторитета, которые гарантирует условия безопасности и избавления от угрозы уничтожения [3, с. 15]. Ведь именно в образе врага в массовом сознании ассоциируются все несчастья и беды, нарастание дискомфорта, развал обычного образа жизни, всего общества в целом. Функции врага заключаются в том, чтобы:

- 1) быть условием (тотальной) постоянной, но исторической мобилизации общества для обороны страны;
- 2) задавать взаимосотнесенные фокусы негативной идентификации;
- 3) «канализировать» страх и отводить ответную агрессию в надлежащее русло в соответствии с гласными и негласными распоряжениями;
- 4) дробить, обеспечивать парцелляцию индивидуального сознания с целью подавить критическое, рациональное мышление, добиться полного торжества индивидуального и коллективного сознания [3, с. 39].

В XX в. «образ врага» – расового или классового становился важной частью тоталитарных идеологий и масштабных пропагандистских компаний, служил обоснованием репрессий против различных социальных, этнических, религиозных групп и любого инакомыслия [5, с. 39]. В годы Первой мировой войны в общественное сознание активно внедрялся «образ врага», создаваемый идеологией и пропагандой государства, а так же различными общественно-политическими силами. По мнению И.В. Нарского, весь период истории Февральской революции сопровождал «карнавал образов врагов». Исследователь констатирует его многоликость в «красной» и «белой» интерпретации российской катастрофы: «Виновниками во всех бедах объявлялись «буржуазия» и «немецкий шпион Ленин», «белогвардейские банды» и «комиссародержание», «контрреволюционеры» и «жиды», «колчаковщина» и «немецко-большевистский сговор»» [9, с. 392].

В 1914–1918 гг. ключевую роль в осмыслении образа врага занимал национальный, «внешний» враг, чуждость которого определялась его этничности.

«Образ внешнего врага» передавался с помощью правительственной пропаганды через средства массовой информации, отражаясь в народной массовой культуре. Основными излюбленными персонажами насмешек и брани стали Вильгельм II, Франц-Иосиф и турецкий султан. Поскольку в период военного конфликта главным противником России была Германия, то негативные стереотипы получили максимальную концентрацию в образе немца-врага, олицетворением которого стала фигура Вильгельма II. Произведения массовой культуры – лубки и открытки, вызывали в отношении немцев устойчивые ассоциации, переносили эти негативные стандарты на германского императора. Враг унижался в произведениях всякими способами, для того в первую очередь умалывалась его сила и мужество. На страницах периодической печати Вильгельм II предстает слабоумным человеком, примеряющим на себя роли величайших полководцев древности. Так, в «Северокавказском крае» (июль 1914 г.) был опубликован фельетон следующего содержания: «накануне объявления войны к дворцу императора в Берлине подвели дикого фессалийского коня Буцефала. Юный пятидесятилетний император Вильгельм вскочил на коня и скрылся из виду. Когда же Вильгельм вернулся, Буцефал был уже усмирив и кричал все время «Хох, Вильгельм!» – Мы, немцы, никого не боимся! С этого дня Вильгельм стал популярным в народе под именем Александра Македонского».

Перенос негативных стереотипов на воюющие с Россией страны способствовал стабилизации социально-политической ситуации внутри страны: не случайно практически во всех мемуарах и воспоминаниях отмечается, что начало войны было вре-

менем священного единения правительственной власти и народа, хотя предвоенные события 1912–1914 гг. связаны с нарастанием революционной ситуации в стране.

По замечанию О.А. Суховой, «первоначально в связи с актуализацией традиционного восприятия военной действительности происходила и трансформация соответствующих элементов политического идеала. Образ «немца» содержал в себе концентрированное выражение представлений обо всех негативно окрашенных внешних враждебных великорусу силах. Вызывая негативно окрашенные оценочные суждения, этот образ становится необходимым элементом в системе способов регуляции предельных психологических состояний» [18, с. 419].

Однако по мере поражений русской армии на фронтах, оставления российских земель, гибели тысячи людей вносятся существенные коррективы в образ врага. Как и их кайзер, немцы стали изображаться «кровожадными зверями», подчеркивается необходимость физического уничтожения врага. Неоднократно подчеркивалось, что противники ведут военные действия запрещенными методами – разрывными пулями, ядовитыми газами и безжалостно расправляются с мирными жителями оккупированных территорий: «Председатель чрезвычайной следственной комиссии доводит до всеобщего сведения, что допрошенный ... бежавший в Россию бывший рядовой одного из германских полков... показал, что наиболее «кровожадные» из его товарищей по полку употребляли в боях с русскими пули с перевернутыми концами вперед» [15, с. 2].

Власть активно принимала антинемецкие меры. Восприятие «образа внешнего врага» сопровождалось усилением националистических и шовинистских настроений по всей стране. Переименование Санкт-Петербурга, ряда улиц и массовая замена немецких фамилий, имен и отчеств на русские создавали прецедент символического переворота. В конце 1914–1915 гг. немецкие погромы были зафиксированы и в ряде городов, населенных пунктов Северного Кавказа. Чтобы освободиться от «немецкого засилья», в регионе, как и повсеместно, были переименованы немецкие поселения [1, с. 19]. Отчасти подобны отношения населения и властей к поданным вражеской страны можно объяснить стремлением у жителей Северного Кавказа уничтожить «внутреннего врага» в лице немцев и австрийцев, имевшим поместья и предприятия в регионе, решить таким образом земельный вопрос [1, с. 21].

В приказах по Кубанской области и Черноморской губернии «О выселке неблагополучных лиц» часто встречаются наряду с революционными агитаторами и фамилии немецких колонистов, уличенных в распространении ложной информации или противоправительственной, шпионской деятельности [2, с. 277].

Однако затягивание военных действий, социально-экономическая нестабильность в стране, кризис власти способствует трансформации «врага внешнего» во «врага внутреннего». Под «внутренним врагом» или «врагом народа» в общественном сознании понимались германские шпионы, консервативные и праворадикальные политические силы. Подобное изменение приоритетов было обусловлено развитием революционного кризиса в стране. В ситуации общественного конфликта приходят в действие социально-психологические механизмы поляризации: формирование образа внутреннего врага, наделяющее смыслом, оправдывающее враждебные настроения и действия по отношению к противнику. Таким образом, представители общности «мы» становятся не только традиционными носителями добра, но и субъектом политического действия [13, с. 124].

Поражения на фронте, продовольственный, транспортный, топливный кризисы показывали, что правительство не в состоянии справиться с основными задачами управления в условиях войны. Доходящие до солдат и тылового населения известия о постоянной смене министров, противостоянии правительства и Думы, росте забастовочного движения формировали у них представление о том, что власть не в состоянии обеспечить внутренней стабильности, слаба и непоследовательна в осуществлении своей политики. Это порождало кризис доверия к власти. Царя обвиняли в немецком засилье, вызвавшем войну, бедах, которые эта война породила. После того, как в 1915 г. российский император принял пост верховного главнокомандующего, в общественном сознании он стал ответственным и за отступление русских войск, по-

терю территории и гибель миллионов людей. Таким образом, постепенно происходила десакрализация образа монарха. Поскольку императрица имела родственные связи с немецкой правящей династией и обладала заметным для общества (во многом преувеличенным) влиянием на царя (что противоречило авторитарно-патриархальной народной традиции, с одной стороны, и намерениям некоторых политических кругов оказывать определенное давление на императора, с другой), ее фигура оказалась крайне непопулярной в глазах населения. Эти обстоятельства, безусловно, противоречили авторитарно-патриархальной народной традиции, с одной стороны, и намерениям некоторых политических кругов оказывать определенное давление на императора, с другой. Происходил перенос императрицы из общности «мы» в противоположную общность «они», т.е. носителей враждебной (немецкой) культуры, целей и намерений.

Александра Федоровна и тяготеющие к ней придворные круги (так называемая «немецкая партия») оказались удобным объектом для конструирования образа внутреннего врага, локализации одной из фундаментальных дуальных оппозиций любого этнического сознания – представлений о существовании источника зла [13, с. 108].

После Февральской революции одним из направлений политической пропаганды была своеобразная реставрация образа «внешнего врага», направленная на продолжение военных действий с Германией. Был создан образ «немецкой гидры», которая угрожала революции и свободе. Наибольший эффект имела демонстрация в средствах массовой информации жестокости немецких войск и антигуманных методов ведения войны противником.

Под влиянием новой социально-экономической ситуации в стране весной – летом 1917 г. в периодической печати появляется множество анекдотов, памфлетов, карикатур, которые высмеивали не столько противника как «врага внешнего», сколько социально-политические силы внутри страны как «врага внутреннего». Ю.Д. Коробков отмечает, что господство в российском общественном сознании инверсионной логики, выразившееся после Февраля 1917 г. в стремлении к тотальному разрыву с прошлым, сопровождалось колоссальным выплеском ненависти по отношению к символам старого строя [7, с. 15]. Теперь всевозможными способами умалались институты сверженной монархии и ее управленческий аппарат. Царские чиновники были представлены в образах гонителей свободы и демократии, а представители генералитета и офицерство – беспробудными пьяницами.

Персонификация абсолютного зла в образах российских монархов и династии в целом моментально отразилась в народной смеховой культуре и бульварной литературе, найдя отражение в частушках и «мужичьих выморочках» о царе и его жене – «Гессенской мухе», «Распутном Григории», «фрейлине Вырубихе», «предателе Сухомлинове». На страницах периодических изданий можно было достаточно часто встретить анекдоты и байки из «прошлой жизни» царского двора, раскрывающие продажность и глупость российского монарха, национального предательства и немецкого засилья, которые зачастую не имели под собой реальной основы. Анализируя архивные материалы, О.С. Поршнева пришла к выводу, что в 1915–1917 гг. в мотивах народного недовольства появились новые нюансы: императору стали приписывать беспробудное пьянство, появляется сравнение царя с умственно отсталыми крестьянами [13, с. 121]: «Как у нас царица с Невского девица. Народ, Россию продавала своим, а с Гришенькой советовалась. А безвольный Николай ездил на фронт. – Поднимать дух армии. И поднимал. Бутылка за бутылкой споражничалась. Насвистывал песенки веселый Николай, бормотал Федерикс и зычным голосом зывал к царю Военков – Едем к Вильгельму! Пьяный царь уснул и проспал подходящий момент. Россия спасена!» [10, с. 3].

После Февральской революции активно обсуждается тема взаимоотношения царской семьи с Григорием Распутиным. Уже с конца 1915 г. среди солдат была популярна присказка: «Царь с Егорием, а царица с Григорием», воплощавшая не только карикатурный образ власти, но и ненависть к старому, «прогнившему режиму», служившему даже на примере царской семьи воплощением разврата, чуждого традици-

онной крестьянской ментальности. На страницах периодической печати утверждалось, что «старец» находился не только в интимных отношениях с императрицей, но и с ее дочерьми [11, с. 3].

Но, несмотря на радикализм в восприятии царской власти, проявлявшийся в отрицании дореволюционной символики не следует рассматривать в качестве доказательства полного перерождения политической познавательной карты [20, с. 87]. Тем более, что в ряде мест империи (в том числе и на Кубани) памятники представителям царской династии, были снесены только после Гражданской войны. Большая часть консервативно настроенного крестьянства и казачества продолжала хранить верность монархическим традициям.

Боязнь и нежелание реставрации монархии в обыденном сознании обусловила появление психологического комплекса «расплаты за старые грехи». Для расследования противозаконных по должности действий бывших министров высших должностных лиц Временным правительством была образована Чрезвычайная следственная комиссия. Начинается кампания по выявлению и осуждению «секретных сотрудников охраны – провокаторов», независимо от их политической принадлежности. В центральных и местных газетах публиковались разоблачительные статьи, в которых недвусмысленно деятельность охранных отделений и их сотрудников оценивалась как предательская [7, с. 128]. Опасность для нового строя, якобы происходящая от бывших сотрудников охранного отделения, была признана на государственном уровне – создаются специальные комиссии, в обязанности которых входило «принятие мер к обезвреживанию предателей».

За время своей деятельности Временное правительство не смогло решить сложную социально-экономическую ситуацию в стране, упорядочить жизнь и прекратить ненавистную войну. Кризисы государственной власти рассеивали иллюзию о способности и коалиционных составов правительства нормализовать ситуацию внутри страны. Рождался миф о врагах революции и в политическом сознании большинства населения страны, еще задолго до октября 1917 г., начинается переориентация «образа внутреннего врага» с бывших царских чиновников на представителей буржуазии. Тема «буржуя», в которую вкладывались негативные характеристики, часто стала встречаться в фольклоре, сатире, пародиях.

В массовом сознании периода Февральской революции термин «буржуй» надеялся самыми многочисленными, иногда противоречивыми трактовками [6, с. 65]. Довольно часто этим словом называли просто зажиточных людей. Для солдат буржуями оказывались офицеры, для фронтовиков – жители тыла, для пехотинцев – артиллеристы. В повседневном общении слово «буржуй» использовали как ругательство, неся комбинированную социально-политическую и морально-оценочную нагрузку. Современники отмечали, что широкое употребление этого слова объясняется «его политическими удобствами», и смысловая нагрузка изменяется по обстоятельствам: «Буржуазия – это тот класс, который держит в своих руках средство производства продуктов и их распределение и благодаря этому эксплуатирует трудовые классы, рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию. Но у нас теперь в определении, что такое буржуй, наступила полная неразбериха. Выходит так: «Не тот буржуй, кто буржуй и не тот не буржуй, кто не буржуй, а тот буржуй, кто и не буржуй, да буржуй!» [15, с. 3].

К осени удар по буржуазии воспринимался как единственное средство решения социально-экономических проблем, а уничтожение власти буржуазии – как единственно приемлемая панацея. Высмеивание буржуазности того или иного политического деятеля происходило и на страницах либеральных периодических изданий.

О.А. Сухова отмечает еще одну немаловажную деталь: появление подобного клише в системе мыслительных стереотипов коллективного сознания указывало на наличие определенной особенности восприятия политической деятельности. В условиях тотальной дезориентированности народных масс «антибуржуйское сознание» превращалось в категорию, способствовавшую прочтению непонятных событий и явлений, их переводу в привычную для крестьянского мира систему понятий, рас-

шифровывавшую смысл вызовов, идущих от внешнего мира. «Содержание «антибуржуазного настроения» вмещало в себя образы враждебных или незнакомых крестьянству сил, осуществляя перенос значения на несовместимые по смысловым характеристикам понятия» [18, с. 460].

Распространение подобных настроений, в формировании которых принимали участие различные социальные силы, происходило на фоне разворачивания в стране социальных противоречий. «Буржуазия» превращалась в универсального социального врага, оттесняя на задний план «врага внешнего». И эта тенденция, в конечном счете, способствовала укоренению в политическом сознании стереотипов гражданской войны.

После поражения выступления генерала Л. Корнилова контрреволюционерами, «внутренними врагами» были заклеены конституционные демократы. По всей стране прокатилась борьба с контрреволюционной печатью, коснувшаяся изданий этой политической силы. Эта политика оказала в конечном итоге негативное воздействие на ослабление влияния буржуазии и правительственной печати на события в стране и в армии. На Кубани после того, как конституционные демократы поддержали выступление Л. Корнилова, стали именоваться «контрреволюционерами». Как свидетельствовал П.Н. Милюков, само слово кадет стало в народе ругательным, задолго до того как Совет народных депутатов объявил партию кадетов партией «врагов народа» [8, с. 257]. Придя к власти, большевики объявили «врагами народа» союзников кадетов по Временному правительству социалистические партии меньшевиков, эсеров.

Подытоживая роль образа врага в общественном сознании в период Первой мировой войны, Е.В. Сенявская отмечает, что в это время существовало два основных образа врага. Первый – «глобальный», сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя представления о враждебном государстве или блоке государств; второй – «бытовой», возникал в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря – военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли, по мнению исследователя, такие факторы как продолжительность и ход войны, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем более «мобильным был именно второй образ» [17, с. 62].

Таким образом, «образ врага» поддерживается, пока он необходим либо существующей власти, либо оппозиционным силам. Выполнив определенную задачу в политической сфере, он утрачивает свою актуальность и может быть в дальнейшем востребован новыми политическими силами. Влияние «образа врага» приводит к негативным последствиям для внутренней жизни страны; складывается режим всеобщей подозрительности, шпиономании, подавления инакомыслия. Этот мифологизированный образ в период Первой мировой войны расколол общество, привел к деформированию политической культуры и собственной идентичности.

Библиографический список

1. *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 102, 3-е делопроизводство. О. 173. Д. 10.
2. *Государственный* архив Ставропольского края. Ф. 101. О. 4. Д. 574.
3. *Гудков, А.* Образ врага. Социология / А. Гудков. – М., 2005.
4. *Гусева, С. А.* Современный политический миф: игра по законам архаики / С. А. Гусева. – Режим доступа: <http://www.freud.by.ru/pades/guseva.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. *История* политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР / науч. ред. В. В. Шелохаев. – М., 2002.
6. *Колоницкий, Б. И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. – СПб., 2001.
7. *Коробков, Ю. Д.* Между двуглавым орлом и красным знаменем. Общественное сознание российского общества в 1917 г. / Ю. Д. Коробков. – Магнитогорск, 2000.

8. *Милюков, П. Н.* Воспоминания : в 2 т. / П. Н. Милюков. – М., 1990. – Т. 1 (1859–1917 гг.).
9. *Нарский, И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. – М., 2001.
10. *Отклики* Кавказа. – 1917. – 14 марта.
11. *Отклики* Кавказа. – 1917. – 5 марта.
12. *Политология.* Энциклопедический словарь. – М., 1993.
13. *Поршнева, О. С.* Менталитет и социальное поведение крестьян, рабочих и солдат в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. – Екатеринбург, 2000.
14. *Савельев, А.* Образ врага. Расология и политическая антропология / А. Савельев. – М., 2007. – С. 11.
15. *Северокавказское* слово. – 1917. – 25 июля.
16. *Сенявская, Е. В.* Психология войны в XX в.: Исторический опыт России / Е. В. Сенявская. – М., 1999. – С. 251.
17. *Сенявская, Е. В.* Противники России в войнах XX в. Эволюция образа врага в сознании армии и общества / Е. В. Сенявская. – М., 2008. – С. 62.
18. *Суханова, О. А.* Десять мифов крестьянского сознания / О. А. Суханова. – М., 2008.
19. *Фатеев, А. В.* Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Фатеев. – М., 1998.
20. *Яров, С. В.* Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест / С. В. Яров. – СПб., 1999.